

Александр Валентинович Амфитеатров

Зеленые святки



Александр Валентинович Амфитеатров

Зеленые святки

Аннотация

«Май и начало июня, переход от весны к лету, – лучшее время года в средневропейских землях: пора владычества солнца и могучего расцвета сил оживлённой вешними чарами природы, – пора зелени, цветов, гроз и тёплых плодотворных дождей, пора любви животных и растений, – пора, когда перелётные птицы спариваются и завивают гнёзда в „зелёном шуме“ молодой листвы рощ, лесов и садов. Жизнь и верования первобытного обитателя средней Европы и, в особенности, Европы славянской, тесно сближались с жизнью природы, одухотворённой и обоготворённой в тысячах антропоморфических образов. Чуткое ко всем стихийным переменам внимание полудиких языческих народов не могло не отозваться на великий праздник вешнего возрождения природы эхом символических общественных празднеств...»

Александр Амфитеатров

Зеленые святки

Май и начало июня, переход от весны к лету, – лучшее время года в средневропейских землях: пора владычества солнца и могучего расцвета сил оживлённой вешними чарами природы, – пора зелени, цветов, гроз и тёплых плодотворных дождей, пора любви животных и растений, – пора, когда перелётные птицы спариваются и завивают гнёзда в «зелёном шуме» молодой листвы рощ, лесов и садов. Жизнь и верования первобытного обитателя средней Европы и, особенно, Европы славянской, тесно сближались с жизнью природы, одухотворённой и обоготворённой в тысячах антропоморфических образов. Чуткое ко всем стихийным переменам внимание полудиких языческих народов не могло не отозваться на великий праздник вешнего возрождения природы эхом символических общественных празднеств.

Дни, в которые христианство справляет Вознесение Христова, Пятидесятницу, Рождение Иоанна Крестителя, были священными днями на огромном пространстве славянских земель между Эльбой, Дунаем и Днепром задолго до того, когда свет Христовой веры разлился по этим странам, когда быт их населения покорен был церковному чину и календарю. Весьма может быть, что, первоначально, счастливое совпадение – точное или приблизительное – торжеств церков-

ного календаря с праздничным календарём стихийного язычества сослужило добрую службу делу христианского миссионерства в славянских поселах. Консерватизм обычая гораздо сильнее и упорнее в славянской среде, чем консерватизм убеждения, и славянские неофиты гораздо легче расставались с самыми старыми богами своими, чем с порядками, обрядами и приметами своих отцов и дедов и – на первом месте – с их празднествами. Видя, что новая вера не только не отменяет, но и сама торжественно справляет привычные ему великие дни, язычник шёл навстречу миссионерам уже с меньшим предубеждением: он рассчитывал найти в новых мехах старое вино, под новою, чужою, пришлою формою – прежнюю родную суть.

Особенно ярко сказались эти календарные компромиссы старого язычества с молодым христианством именно в внешних празднествах Вознесения, Семика, Троицкой субботы, Троицына и Духова дня и т. д. В эпоху поклонения одухотворённым стихиям эти дни были посвящены апофеозу «весны-красны», победоносного божества, окончательно восторжествовавшего над загнанной на дальний безвестный север колдуньей-зимой, чествованию начала, всё животворящего и возрождающего. Характер языческих празднеств от переименования их в празднества христианские изменился весьма мало, и, надо полагать, последующий вред языческого календаря значительно превысил первоначально принесённую было им пользу: по крайней мере, на первых же страницах

летописи русской мы встречаемся с жалобами духовенства на весенние беснования народа, как на явное доказательство крепко засевшей в нём идолопоклоннической закваски. Против этих празднеств ополчается Нестор (под 1067 годом), а Кирилл Туровский относит их к числу «злых и скверных делах, их же ны Христос велит отступити».

Справляемые во всём славянском мире, без исключений, и всюду по довольно схожему ритуалу, вешние празднества всюду носили и одно и то же название, лишь подвергавшееся у разных племён этимологическим вариациям, соответственным языку и говору народа. Название это – русалии, русалка, risale и т. д. Название недели по Троицыне дне русальной сохранилось в народе до нашего времени; в старину же оно было общеупотребительным и распространённым настолько, что, несмотря на свой ярко-языческий характер, попало и в хартии летописцев, в общем весьма ревнивых к христианскому календарю, и даже в книги духовных писателей, для которых внедрение христианского календаря и уничтожение остатков идольской старины являлись прямыми обязанностями. Название священных вешних дней по русалкам – самое ясное свидетельство, что в дни эти предки наши праздновали не только зримое возрождение природы, но и возвращение к жизни и деятельности стихийных духов, её оживляющих, – вместе с нею уснувших на зиму и вместе с нею очнувшихся от спячки. В особенности характерно в этом смысле название «Русальчин Велик День», т. е. Свет-

лое Воскресение русалок, до сих пор прилагается на Украине к четвергу Троицкой недели. Как уже говорил я в очерке «Неурожай и суеверие», миф о русалках до того сложен, настолько разнообразно и пёстро разработан народным суеверием, что точного исследования его хватило бы на целую диссертацию. Мы встречаем русалку в народных сказаниях то как деву водную, то как деву лесную, то как житного духа, т. е. гения посевов, нив и лугов, то как грешную душу утопленницы, младенца, некрещёного или проклятого родителями, и т. д. Русалка, для древнего славянина, являлась, таким образом, каким-то пантеистическим коэффициентом ко всякому явлению в природе в летние её месяцы.

Таким образом, разбирая легенды и обряды, сопровождающие Пятидесятницу – быть может, самый богатый символами праздник христианства – необходимо помнить, что легенды и обряды эти формулировались, так сказать, в три слоя. Внизу – прямые, откровенно-языческие остатки древнего стихийного верования, переживания пантеистических культов; над ними – приспособления языческих обрядов на новый лад, к христианским взглядам, нравам и понятиям; сверху – поэтические наслоения, непосредственно христианского происхождения.

Христианская эмблема праздника Пятидесятницы – огненный язык и белый голубь, символизирующие сошествие Св. Духа на апостолов. Первый символ исторически объяснён во второй главе Деяний апостольских. Голубь, ещё до

христианства, почитался птицею священной едва ли не во всех языческих культах: голубкою улетела с земли Семирамида, голубками запряжена колесница Афродиты, голубь был единственною птицею, терпимою в Дельфах, голубка дала дар пророчества оракулу Додонскому; в культах спиритуалистических птица эта пользуется таким же уважением: Моисей заповедал женщинам, приходящим в храм за очистительною молитвою, приносить в жертву двух голубей. Христианская символика воспользовалась всеобщим почтением к красивой и всюду любимой птице, чтобы облечь в её образ самые священные тайны свои: представление о Духе Святом и идею бессмертия души, причём первое олицетворение освящено авторитетом Евангелия (Марка, I, 10). Св. Духа, в виде голубя, встречаем мы на каждом образе Св. Троицы, Благовещения, Крещения Господня. Воображение народов христианских привыкло к этому олицетворению настолько же, насколько привыкло узнавать прообраз Христа в агнце, прообраз Творца-Вседержителя во Всевидящем Оке, заключённом в сияющий лучами треугольник. Наши русские сектанты, претендуя на способность непосредственных вдохновений от Духа Святого, зовут себя в честь Третьего Лица Св. Троицы белыми голубями.

Что касается идеи бессмертия души, то обычай олицетворять последнюю в виде белой или сизой голубки лишь усвоен и широко развит христианством; и славянский, и германский народы издревле были убеждены, что душа человека по

смерти долгое время летает на земле птицею, – и по преимуществу голубем. Этот грациозный миф разветвился в сотни преданий. Насколько широко было его распространение и как долго держалось оно в сознании народном, может дать понятие следующий пример. В 1754 году, в апреле, умер некий гофмейстер Чоглоков. В открытое окно спальни его жены влетела птица и села на картине против постели; увидя птицу, Чоглокова вообразила, будто прилетела душа её мужа, и разубедить её в этом не было никакой возможности. Анекдотами, сопряжёнными с этим поверьем, можно бы заполнить много страниц.

Изображение голубя археологи находят на древнейших гробницах и базиликах христианских, вместе с пальмою, эмблемою мученичества, и рыбою, эмблемою Христа. Известно католическое изображение дев-мучениц – с голубями на правом плече, между тем, как слева вьётся крылатый дьявол, нашёптывая невестам Христовым злые искушения отступничества. В средневековом Париже, в церквах Notre Dame и у St. Jacques la Boucherie, на Троицын день, когда раздавался гимн *Veni Creator*, белый голубь слетал из купола к алтарю. В ту же минуту, с хор, выпускали стаи птиц, бросали в народ цветы, облатки и зажжённую паклю. Каноники уверяли народ, будто всё это падает с неба, причём каждому достаётся по делам его – к кому благоволит Бог, тому цветы и облатки, на кого Он гневен, тому зажжённая пакля. Попасть под то или другое считалось верным предзнаменованием успеха

или худа на будущий год. Вне гадательного значения, церемония эта, возникшая в падкие до духовных мистерий средние века, была, конечно, грубою попыткой изобразить сошествие Св. Духа на апостолов, как рассказано оно в Деяниях – однородною с тем, как у гроба Господня имитируется возжжение огня небесного. Обычай, только что рассказанный, до сих пор держится во Фландрии. С ним связана легенда о начале процветания знаменитой парижской таверны «Сошествия Св. Духа» на Птичьем мосту, как прозвал народ Pont Marchand, построенный в 1609 году. Дочь первого хозяина таверны, по имени Коломбетта, т. е. голубка отправилась на Троицу к обедне в Notre Dame. Когда началась церемония с птицами, белый голубь, вместо того, чтобы лететь к алтарю, спустился на голову Коломбетты и, испуганный шумом толпы, забился в капюшон девушки. Суеверные парижане огласили Коломбетту избранницею Божиею; тысячи людей стекали поглазеть па дочь трактирщика, как на святую, – и, понятное дело, таверна отца Коломбетты стала процветать и процвела. Репутация дома Коломбетты держалась весьма долго и прочно, из поколения в поколение.

Заимствуя какой-либо символ из языческого наследства, христианство всегда старалось, по мере сил, затушевать его подлинное происхождение, изобретая в объяснение его самостоятельные легенды. Таково католическое сказание, – почему голубь стал священной птицею, удостоился воплощать Духа Святого и символизировать всё чистое, прекрас-

ное и возвышенное в области веры. Счастливая виновница этой благодати – голубка, выпущенная Ноем из Ковчега всемирного потопа. Когда вода поглотила землю, дьявол, довольный, что довёл человечество до столь ужасной казни Божией, удалился в чёрную тучу, висевшую как раз над Араратом, и едва обнажилась вершина горы, спустился на неё, готовый наброситься на первое живое существо, которое окажется спасённым от потопа. Существом этим оказался ворон, выпущенный Ноем из ковчега. Дьявол научил птицу питаться мясом трупов, которые всюду гнили в изобилии, – и ворон, насыщая свою утробу, забыл об ожидавшем его хозяине, остался вековать на свободе. Вслед затем, как гласит Библия, Ной выпустил на разведку голубку.

Дьявол пытался развратить трупоядением и эту птичку, – но вид ворона, клюющего мёртвые тела, привёл её в ужас и она поспешно возвратилась к Ною, неся в клюве масличную ветвь (эмблему мира и спасения), а сама стала с тех пор эмблемою чистоты, верности и кротости. Голубка с масличною ветвью в клюве, как видно из легенды, – самый подходящий герб для вегетарианских обществ.

Обычай украшения в Троицын день церковей и домов цветами и зеленью принадлежит ко второму наслоению, т. е. к разряду языческих переживаний, молчаливо признанных христианскою церковью правоспособными под условием, что свершаться они будут во имя Христа, Божией Матери, Св. Духа, а не старых стихийных богов. В великорусской

семицкой берёзке в соответствующих ей украинском «тополе», белорусском «кусте», сербских, «красицах» и тому подобных, прямо, можно сказать, бесчисленных, но однородных и однообразных обрядах и символах народ чтит забытую им лесную деву, оживающую в зелени дубрав или самую богиню весны, одевающую деревья листьями и цветами. Но поёт он при этом не о лесной деве и не о богине весне, а

Благослови, Троица,
Богородица!
Нам в лес пойти,
Нам венки завивать,
Ай Дидо, ой Ладо!
Нам венки завивать
И цветы сорывать.

Нельзя придумать лучшей характеристики народному празднику Троицы – «зелёным святкам», как слывят на Руси три последние дня семицкой недели, Троицын и Духов день – чем только что приведенная песня, молящая «Троицу-Богородицу» о разрешении исполнить старый языческий обычай, поминая старых, таинственных Дида и Ладу – богов летнего плодородия, любви и брачных связей. Обычай справлять зелёные святки далеко не ограничен одними славянскими землями. Мы находим его и в Германии, и во Франции, и в Англии. В мемуарах 1615 года, написанных аббатисой Ремиремона Катериною Лотарингской, мы читаем,

что в Духов день восемь окрестных приходов обязаны были являться в монастырь, причём поселяне несли в руках ветви разных деревьев и кустарников. Каждый приход пел особо ему присвоенный псалом и должен был сделать монастырю определенное приношение. В том числе, деревня Сен-Реми обязывалась поднести капитулу блюдо снега за неимением же его – двух белых быков. Блюдо снега, тающего под солнечными лучами, являлось эмблемою побеждённой, уничтоженной колдуньи – зимы, забытой среди победоносного ликования зелёных святков. Курьёзно, что вслед за описанною процессией в Ремиремоне, аристократическом монастыре, начиналось нечто в роде именно русалий, проклятых нашим Кириллом Туровским: монахини должны были танцевать во дворе аббатства. Первый танец принадлежал аббатисе, а второй капитулу. «Если же дама-аббатиса не хочет или не может участвовать в танце, принадлежит ей предоставить себе заместительницу. Также требуют инокини, чтобы граждане ремиремонские являлись на праздник ей в оружии, и был после обеда смотр и парад, и шли бы они пред инокинями в церковь и через двор аббатства по разным башням». В одной из башен аббатиса предлагала ремиремонцам угощение, и они пили, любуясь как во дворе монастыря пляшут инокини. Во всё продолжение этого странного визита, в церкви горела лампада, приносимая тоже ремиремонцами.

Католическое духовенство всегда отличалось умением взять власть над народом, – где не хватало силы, хитростью,

где нельзя было победить предрассудка, оно поддельвалось под предрассудок, стараясь лишь влить в его старые мехи вино новое. Миссионер-иезуит, преклонившийся перед Буддой, подкинув предварительно к подножию кумира маленький крестик – католический тип, живой во все века и во всех странах. Не в состоянии воспрепятствовать троицким сборищам народным, св. Медар, епископ Нионский задумал по крайней мере облагородить их, вложить в них начала нравственные, поучительные. С этой целью он учредил в Саланси особый обряд выдачи премии за добродетель, справлявшийся ежегодно в Троицын день. Это – пресловутый обряд «розьеры». Девушку, отличавшуюся особым благонаравием в течение целого года, епископ торжественно украшал венком из белых роз, в награду за доброе поведение. Первую награду получила сестра епископа Гертруда – девица, как гласит легенда, весьма страстного темперамента, однако, блистательно отражавшая искушения дьявольские. С эпохи Людовика XIII, по почину самого короля, к розовому венку были прибавлены голубая лента и золотое кольцо. Св. Медар переработал изобретённый им обряд из старинного, ещё в XIII веке отмеченного летописцами права синьоров Саланси выбирать для себя самую красивую и добродетельную девушку селения. Таким образом, разврат по праву *primaе noctis* перешёл в торжество добродетели. До XVIII века праздник «розьеры» был привилегией Саланси, но при Людовике XV, т. е. точно на смех, в самый беспутный исторический пери-

од Франции, распространился по всей стране, проник даже в Германию. Ламбер и Делиль воспевали праздник «розьеры» стихами, Гретри написал на сюжет его оперу, музыку из которой долгое время пели при торжестве. Революция смела своим вихрем старинный праздник с лица земли повсюду кроме Нантерра, близ Версаля, где он и посейчас справляется, причём венчает «розьеру» уже не епископ, но мэр местечка. Оффенбах жестоко осмеял устаревший обычай в «Синей Бороде» и едва ли не был прав: премии за добродетель совсем не к лицу современному французскому простонародью, – героям «La Terre», «Жерминаль» и т. д.; где тысячами рождаются Буллоты, там поздно искать Жанну д'Арк.

Обычай избрания молодой девушки в царицы праздника, выродившийся во Франции в торжество «розьеры» – в тех или других видоизменениях, держится повсеместно. В Англии это – lady of the may, в Германии – Maibraut, у чехов – кралька. В наиболее чистом виде мы встречаем обряд в Малороссии («тополя») и на Полесье («куст»). В Сербии Троицын день называется праздником кралиц и справляется следующей церемонией. Десять или пятнадцать девушек, из которых одна представляет знаменосца (баряктара), другая краля, третья, под покрывалом, королеву или (кралицу), четвёртая её прислужницу (дворкиню), с плясками и песнями ходят по деревне, останавливаясь перед каждым двором. В этих песнях говорится всего больше о выборе невесты, о свадьбе, о счастливом супружестве, о родительском счастье;

каждый стих сопровождается припевом «лело!» – именем древнеславянского божества любви. В хороводной песне рассказывается о женских божествах, вилах, пляшущих под деревом, о том, как Родиша (вероятно, мужское божество, так как Лело – женское) собирает перед ними росу с цветов и листьев и сватается за одну из вил (Л. Ранке). В Орловской губернии, в Севском уезде, троицкий припев «Леле ми!» также сохранился; любопытно, что троицкое гулянье называется в этой местности «Троянами», напоминая, быть может, о том таинственном Трояне, чей неясный след, на великое мучение мифологов, мелькнул в «Слове о полку Игореве». В Зарайском уезде выбирают девушку в «русалки». В одной рубашке, с распущенными волосами, верхом на кочерге, с помелом через плечо, она идёт впереди шумной процессии баб и девок, которые поют песни и бьют в заслон. Ребятишки дразнят русалку, пока процессия не выйдет из деревни и не приведёт русалку ко ржам. Здесь русалка бросается в толпу и, схватив первую встречную женщину, принимается её щекотать. Начинается драка и свалка; русалке приходится уже защищаться, а не нападать. Наконец ей удаётся вырваться и спрятаться в рожь. «Теперь, кричат все: мы русалку проводили, можно будет везде смело ходить!» Толпа возвращается к домам. Русалка, посидев немного в поле, тоже крадётся задками в деревню. Народ же всю ночь до самой зари гуляет на улице (П. Шейн). На ржах справляют Троицын день и во Владимирской губернии довольно сложную церемонией,

которая и название-то имеет «колосок», причём «колоском» избирается самая красивая девочка села, из подростков лет 11–12.

Все эти обряды, в некотором роде, мистерии, театральные представления на старо-языческие темы. Но во многих местностях сохранились и совершенно идольские игрища. Таков обряд троицкой куклы в Воронежской и Рязанской губерниях; таков почти повсеместный в средних губерниях России обряд «гостейки»: молодую берёзку одевают в женское платье и ставят в лучшей избе деревни; между Семиком и Троицыным днём в ней ходят в гости, величают её, а вечером Троицына дня – топят в реке.

В очерке «Неурожай и суеверие» было указано, как народ связал земное плодородие с волею усопших. В вешние дни, когда всё в земле оживает, предполагается народными поверьями, что и души усопших на воле. Христианство поддержало это убеждение днём Св. Духа, когда, как и в Семик, народ привык поминать своих родных покойников. Мертвецов, отшедших в вечность с миром, естественною смертью, напутствованных по установленному религиозному обряду, поминает церковь. Но, кроме этих счастливых покойников, есть множество несчастных. Это – души младенцев, умерших некрещёными, проклятых матерями в утробе или до крещения, утопленниц, удавленниц и, вообще, женщин и девиц, самопроизвольно лишивших себя жизни, то есть, вообще, души неудостоенных христианского погребения. Взрос-

лых из этого отверженного сонмища народ зовёт, как сказано, русалками, младенцев – мавками. Троицын и Духов день – единственное время года, когда можно спасти этих малюток от вечного проклятия. Они носятся над землёю, вымаливая у живых людей себе крещения. Заслышав голос мавки, надо громко произнести обрядовую формулу: «прощаю тебя во имя Отца, Сына и Св. Духа!» и отслужить панихиду на первой неделе Петровского поста. Если в течение семи лет мавка не дожждётся ни того, ни другого, она становится русалкою, проклятою без возврата к спасению.

Это – поверье христианское и христианским благочестием комментированное. Но Афанасьев хорошо замечает, что – когда не было ни христианства, ни, следовательно, христианского погребения, – то не только души погибших преждевременною или насильственной смертью, но и вообще все души усопших, как предполагалось – становились русалками и мавками и, выходя весною из оттаявшей земли, наполняли собою природу. Славянский пантеизм не допускал исчезновения души из мира. Отшедшая из людского круга, она жила близ людей в мотыльке, в птице, в дереве, в речном тумане, из причудливых клубов которого родились для народной фантазии мавки и русалки. Вешнее время – пора наибольшей чуткости их к отжитой жизни, пора, когда живой может войти с ними в ближайшее общение с особою лёгкостью и удобством; если он станет просить их, – просьба его будет услышана; будет чтить их, – почёт примется благосклонно

и непосредственно. И, с верою этою, наивный язычник действительно, чтит всё, что в воскрешающей природе могло напомнить ему о воскрешающей душе, кланялся дереву, заново одетому в зелень, и рядил его в ленты и цветные платья; освобождал птицу и кормил её, потому что видел в ней прообраз души, улетающей на волю из могильного мрака; справлял русалочки праздники. В заблуждениях его было так много поэзии, они так соблазнительно сближали человека с природою, душу его с мировою душою, что даже забыв содержание старых суеверий, мы не могли расстаться с их формами. Эстетика превозмогла, и мы до сих пор торжественно кормим птиц в Троицу, одеваем дома свои зеленью, рубим берёзки, хвалим Дида и Ладо, хотя всё это давным-давно потеряло для нас свой истинный тайный смысл. Привычка к поэзии стихийной веры, таким образом, оказалась сильнее, прочнее и долговечнее самой веры. И, как бы широко ни шагнул прогресс, надо думать, что привычка эта будет жить вечно – до тех пор, пока весны сменяют зиму, пока в шуме лесов, птичьим стрекоте, жужжании пчёл и жуков будет слышаться человеку таинственный голос, возвестивший некогда Святому Оттону величественные слова от имени славянского бога весны Яровита: «Я – твой бог; я – тот, который одевает поля муравою и листьями леса; в моей власти – плоды нив и дерев, приплод стад и всё, что служит на пользу человека: всё это я даю чтущим меня и отнимаю у отвергающих меня».